

ТРАДИЦИЯ Н.С. ЛЕСКОВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.М. НАГИБИНА

В статье рассматривается связь творчества Н.С. Лескова с творчеством Ю.М. Нагибина. Основная цель – установление степени преемственности, разработка литературной параллели «Лесков–Нагибин». Обосновывается тезис о безусловной значимости художественного опыта Лескова для творчества Нагибина. Благодаря жанровому анализу произведений выявляются сходства между произведениями писателей, а также актуализируются различия. Показывается, что в рамках одного произведения Нагибина прослеживаются жанровые традиции, отсылающие сразу к нескольким произведениям Лескова.

Ключевые слова: Н.С. Лесков, Ю.М. Нагибин, жанровые традиции, типологические связи, жанр повести.

Ю.М. Нагибин в своем творчестве чаще всего обращался к малым эпическим жанрам – повести, рассказу. Малая форма доминировала не только в период ученичества, но и на протяжении всего долгого творческого пути писателя. Подобные жанровые предпочтения роднят его с одним из ярчайших прозаиков второй половины XIX века – с Н.С. Лесковым. В разные годы Нагибиным создаются совершенно непохожие по своей идейной направленности рассказы и повести, в которых угадывается его интерес к художественной традиции Н.С. Лескова. Эта связь на первый взгляд отнюдь не очевидна, однако «память жанра вовсе не тождественна копированию жанра, эпигонскому дублированию самой жанровой структуры. В принципе, жанр никогда не повторяется: оживая или актуализируясь, жанровый канон каждый раз воплощается в исторически своеобразной типологической разновидности, формой новому социальному и культурному контексту» [1, с. 86]. Глубокий интерес Нагибина к Лескову проявился как в публицистических, так и в художественных очерках, посвященных Лескову; мало о ком Нагибин отзывался с таким почтением: «...если читатель сумеет побороть внутреннюю суету, сосредоточиться в душевной тишине и по глотку осушить пряный клубок лесковской прозы, он откроет для себя целый мир невиданной красоты, неповторимых образов, сверкающей фантазии, расписной, причудливый мир, где русский дух, безмерный и в радости, и в печали, где Русью пахнет и сладко, и горько, и нежно, и дымно...» [2, с. 616]. Однако примечательнее всего то, что детальный жанровый анализ произведений писателей вскрывает поистине тесную связь творчества Лескова и Нагибина.

Важнейшими элементами жанра являются форма и содержание, что предопределяет использование терминов «жанровая форма» и «жанровое содержание». Именно на этих уровнях проявляются существенные сходства между произведениями «Однородум» Лескова и «Огненный протопоп» Нагибина.

* © Пахтусова В.Н., 2016

Пахтусова Варвара Николаевна (liceistka@gmail.com), кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1.

Специфика жанровой формы традиционно обусловлена особенностями тематики, проблематики, пафоса и ряда других факторов. Это очень ярко проявляется при сопоставлении лесковского «Однодума» и нагибинского «Огненного протопopa» именно в аспекте тематики. И в том и в другом произведении в центре внимания автора оказывается примечательная личность на фоне конкретно-исторических реалий своего времени. Более того, с Лесковым Нагибина связывает мотив праведничества, который становится жанрообразующим элементом произведений.

На уровне проблематики произведения Лескова и Нагибина также соотносятся. Для Александра Афанасьевича, героя повести «Однодум», равно как и для нагибинского Аввакума, конфликта как такового не существует. Избранный ими путь духовного подвижничества представляется им совершенно естественным. Однако если Александр Афанасьевич от начала и до конца произведения пребывал в состоянии духовного бодрствования, то духовный путь Аввакума не был столь гладким. В тексте повести Нагибина описывается также духовный сон главного героя. Роднит Александра Афанасьевича и Аввакума то, что они находятся в оппозиции к обществу. Но если Александра Афанасьевича общество просто не понимает и считает чудачком, то Аввакума общество в лице представителей власти демонстративно не принимает. Аввакум находит духовную поддержку только в жене и в других старообрядцах.

Произведения Лескова и Нагибина связывает и такой элемент жанрового содержания, как интенсивность изображения: в них повествуется о многочисленных событиях в жизни главного героя. Но по-настоящему роднит повести то, каким образом ведется повествование. Нагибин, как и Лесков, обращается к документальному типу сообщения. Однако если для Лескова оформление своих произведений «под документ» было художественным принципом (писатель стремился к тому, чтобы читатель не заподозрил вымысла в его повествовании [3, с. 144–150]), то для Нагибина документальность в рассматриваемой повести играла принципиально иную роль. С одной стороны, конкретно-исторический фон позволяет Нагибину завуалировать в повести его рассуждения о судьбе современного писателя и о советской жизни («А в такие огнепальные времена, полные искусного витийства, разносящегося не только с амвонов, но и с царского печатного двора, не так-то просто быть услышанным, да еще из тундряной дали!», «И еще Тишайшему надо было, чтобы на всем пространстве Великия, Малыя и Белья России мертвая стояла бы тишина и покой, чтобы не разгибал спины пахарь, не озирали очами творящееся вокруг и не ждал помощи от неба» [4, с. 13–14]). С другой стороны, в процессе художественного переосмысления личности Аввакума Нагибин делает акцент не столько на праведность героя, сколько на его словесный дар. «Слово» как лейтмотив пронизывает все произведение («Аввакум узнал, какая великая милость дарована ему Господом Богом: глаголом души опалить...» [4, с. 11]). Так писатель выводит на первый план тему творчества. Показательна в этом отношении концовка произведения: «С этого пустозерского пламени возжегся костер великой русской прозы» [4, с. 27]. Таким образом, документальный тип сообщения как элемент жанрового содержания в произведениях двух писателей помогает им решать разные задачи.

Это предопределяет и другое различие между повестями. Если произведение Лескова «Однодум» проникнуто в первую очередь нравственным пафосом, то «Огненный протопop» Нагибина — пафосом эстетическим, морально-нравственный компонент в повести отступает на второй план.

Анализ жанрового содержания повестей Лескова и Нагибина показывает, что Нагибин на уровне тематики и проблематики, интенсивности изображения во многом следует традиции Лескова. Однако нагибинская percepция лесковской традиции от-

личается безусловным своеобразием. Нагибин берет за основу изображения исторический характер, но смотрит на него сквозь призму современного ему времени, ориентируясь на определенный пласт культурного опыта. Поэтому в «Огненном протопопе» Нагибина отражается не только лесковский «Однодум», но и другие его произведения. Так, из романа Лескова «Соборяне» в повесть «Огненный протопоп» перетекает тема активной борьбы за правду. Протопоп Аввакум у Нагибина, подобно священнику Савелию Туберозову, выступает в роли непримиримого борца за чистоту веры, за ее главенство над светской властью, а детальный анализ эпизодов показывает, что сходство не ограничивается общностью тематики: Нагибин берет за основу своего произведения не только тему Лескова, но и его концепцию образа священника («огнеустое слово» лесковского Туберозова возникает в форме «огнеустых посланий» нагибинского Аввакума). В образе Аввакума воплощаются и некоторые черты самого Лескова, каким его видел Нагибин и запечатлел в биографическом очерке «День крутого человека»: непоколебимость характера, отстаивание своей позиции, преданное служение Богу, во имя которого он готов проститься с единственным сыном.

Анализ жанрового содержания вскрывает также жанровый синкретизм произведений Лескова и Нагибина. Житийные элементы проявились на уровне образа главного героя, документальный характер произведений свидетельствует о наличии элементов биографического очерка.

Характер литературной традиции проявляется также при рассмотрении элементов жанровой формы (субъектная, пространственно-временная, интонационно-речевая организация) в произведениях Лескова и Нагибина. Субъектная организация повестей «Однодум» и «Огненный протопоп» очевидным образом не соотносится. Повествование у Лескова ведется от лица рассказчика – искателя историй о «трех праведниках». Рассказчик проявляет свои знания описываемой исторической эпохи и пытается сообщить читателю все необходимые сведения для погружения в атмосферу того времени («Все это надо знать, чтобы составить понятие о том, как мог жить и как действительно жил мелкотравчатый герой нашего рассказа Алексашка, или, впоследствии, Александр Афанасьевич Рыжов, по уличному прозвищу “Однодум”» [5, с. 211]). В произведении Нагибина присутствует безличный автор-повествователь, однако местами писатель использует форму несобственно-авторского повествования («И вот тогда впервой заступился за него царь: не дал расстричь, обошлось дело сибирской ссылкой. Обошлось!..» [4, с. 11]). Тем не менее благодаря как рассказчику в повести Лескова, так и безличному автору-повествователю Нагибина создается эффект объективного документального повествования.

Другим значимым элементом жанровой формы или носителем признаков жанра считается пространственно-временная организация произведения. Согласно жанровой теории Н.Л. Лейдермана, «в каталог пространственно-временных образов, воплощающих существенные “параметры” “человеческой действительности”, входят сюжет, система характеров, пейзаж, портрет, вводные эпизоды» [1, с. 122]. При всем очевидном сходстве повестей Лескова и Нагибина на других уровнях на сюжетном уровне различия между «Однодумом» и «Огненным протопопом» кажутся значительными. Сюжет произведения Лескова построен по законам линейного времени. В этом отношении повесть «Однодум» имеет больше сходства с каноническим житийным текстом, нежели произведение Нагибина: жизнь главного героя Лескова описывается от рождения и до самой смерти и представляет собой последовательную цепочку эпизодов. В произведении Нагибина внимание автора концентрируется на последнем пути Аввакума от темницы до костра, во время которого главный герой вспоминает отдельные эпизоды своей жизни. Нагибин выстраивает кольцевую ком-

позицию, намеренно отдаляя сцену сожжения протопопы. Тем не менее все эпизоды, составляющие основное содержание повестей «Однотум» и «Огненный протопоп», объединены идеей испытания главного героя. Важно отметить, что Александр Афанасьевич не воспринимает тяготы своей повседневной жизни как испытания, даже его работа почтальоном, вызывающая у некоторых «мнимых» праведников сомнения («...не заключается ли в такой пустой затее, как разноска бумаги, чего-нибудь еретического и противного истинному христианину?» [5, с. 213]), идет ему на пользу («почтовая сума до такой степени была нипочем его могучей спине, что он, кроме это сумы, всегда носил с собою еще другую, серую холшовую сумку, в которой у него лежала толстая книга, имевшая на него неодолимое влияние. Книга эта была библия» [5, с. 214]). Лесков рисует образ поистине безгрешного человека: «И он принял это посвящение и пронес его во весь почти столетний путь до могилы, ни разу не споткнувшись, никогда не захромав ни на правое колено, ни на левое» [5, с. 216].

Иначе рисуется Нагибиным образ Аввакума. Все испытания, выпавшие на долю этого человека, четко осознаются им как испытания, но с лесковским героем его роднят стойкость и непоколебимость, с которыми он проходит через все эти испытания. В отличие от Александра Афанасьевича, Аввакум не абсолютно безгрешен («искусила его невольно юная блудница на исповеди, столь воодушевленно живописавшая свой грех, что он, недостойный врачеватель, сам разгорелся блудным огнем» [4, с. 9]). Сходства образов Александра Афанасьевича и Аввакума проявляются также в портретных деталях. Герой Лескова имел величественный вид («он был рослый, плечистый, — почти атлет, необъятной силы и несокрушимого здоровья» [5, с. 212]); постоянной деталью его внешнего облика является бешмет, который несколько его не смущает даже в должности городничего (накануне приезда губернатора герой «не предпринимал никаких средств не только к украшению города, но и к изменению своего несообразного костюма, а продолжал прохаживаться в бешмете» [5, с. 232]).

Подобные черты свойственны и Аввакуму. В мыслях стрелецкого десятника он представляется подобным богатырю: «И хотя тощей тощего распоп, а нетрудно увидеть его в доспехе бранном, с мечом в ухватистой руке. Небось Пересвет и Осляба были в том же пошибе» [4, с. 23]. Прослеживается параллель и на уровне деталей одежды главных героев: старому заношенному бешмету Александра Афанасьевича, которого тот не смущается, соответствует аввакумово одеяние перед сожжением: «...ряса не ряса, халат не халат, вроде бы мешок с дырками для головы и рук. А и такая одежда хороша, небось не в палаты царские и не в крестовую к патриарху зовут» [4, с. 20].

Можно отметить существенные сходства «Однотума» и «Огненного протопопы» и на уровне системы персонажей. В обоих произведениях помимо главного героя есть несколько второстепенных. Одни относятся к членам семьи или близкому окружению главного героя (для Однотума это его мать и жена, а для Аввакума — жена и Епифаний), другие — к представителям власти, причем в каждой из повестей создается их иерархия. В «Однотуме» Лескова — государь, губернатор, городничий, квартальный. Описание этой иерархии дается в сатирической манере: «Губернаторы сидели на своих центрах, как царьки: доступ к ним был труден, и предстояние им “сопряжено со страхом”, они все норовили говорить “ты”, все им кланялись в пояс, а иные, по усердию, даже земно...» [5, с. 217]. В «Огненном протопопе» эта иерархия отчасти меняется: царь, воевода, десятник. Однако Нагибин делает акцент не столько на ступенях социальной лестницы, сколько на сходстве внутренней сути всех представителей власти: «Почему неправая власть так нуждается даже в мнимом изъявлении покорности, мнимом раскаянии тех, кого считает виновным в тяжких против

нее, власти, прегрешениях? Может, потому, что власти нужна не преданность, не союзничество, основанное на единоверии, а только слепое послушание, пусть даже неискреннее, обманное, но полное и безоговорочное, проще — рабье» [4, с. 25–26]).

Примечательна общность подхода писателей к разработке и использованию образов второстепенных персонажей. В повести Лескова появляется герой — Сергей Степанович Ланской, губернатор Костромы, едущий с проверкой в Солигалич, в котором в тот момент Александр Афанасьевич исполняет обязанности городничего. В эпизоде в церкви Александр Афанасьевич «положил губернатору руку на спину и, степенно нагнув его в полный поклон, снова отпустил и стал навтыяжку» [5, с. 237], на что Сергей Степанович не обиделся, но, напротив, заинтересовался фигурой Александра Афанасьевича, и спустя некоторое время «по представлению» Ланского от него был пожалован главному герою «дарующий дворянство владимирский крест» [5, с. 242]. В повести Нагибина образу Ланского соответствует образ стрелецкого десятника. Аввакум, не стесняясь, высказывает свое мнение о десятнике, называя его «ничтожным тюремщиком» [4, с. 8]. Но, как и у Лескова, нагибинский десятник не гневается на Аввакума, «ибо уважал всякое мужество» [4, с. 8], а перед самой смертью Аввакума просит его о благословении, чувствуя в нем скрытую силу. Таким образом, и в том и в другом произведении присутствует второстепенный персонаж, стоящий выше по служебной лестнице, но признающий за главным героем особую силу.

Аналогичное сходство проявляется и в другой паре героев — протопоп (главный священник Солигалича) в «Однодуме» и патриарх Никон в «Огненном протопопе». И тот и другой персонаж считают главного героя за еретика. Но если лесковский протопоп оказывается бессильным перед праведностью Александра Афанасьевича, так и не сумев обличить его в каком-либо из грехов, то Никон действует иначе: он пытается не речами сломить веру Аввакума, но ссылками и пытками («Как ни лют, ни беспощаден был собиратель земель сибирских, ратный муж Пашков, не мог бы он так зверовать над священнослужителем в протоиерейском сане, если б не тайное повеление от самого Никона» [4, с. 11]). Тем не менее обоим персонажам — безымянному протопопу и патриарху Никону — не удается склонить героев к мольбе о пощаде.

Художественное пространство в повести Лескова ограничено в основном городом, в котором живет главный герой. А у Нагибина оно расширяется за счет описаний скитаний Аввакума (Москва, Мезень, Юрьевец-Повольский, Пустозерск и т. д.). Однако важно отметить и тот факт, что расширение художественного пространства происходит также благодаря «огнеустым посланиям» Аввакума, распространяющимся в грамотках по всей Руси. Слово играет важную роль и в произведении Лескова. «Однодум» означает не только прозвище главного героя, данное ему в народе, но и название тетради, которой он доверял свои мысли: «...он не был горд, и своих верований и взглядов он никому никогда не навязывал и даже не сообщал, а только вписывал в большие тетради синей бумаги, которые подшивал в одну обложку с многозначительною надписью: “Однодум”» [5, с. 226]. Однако для Лескова его произведение — это в первую очередь гимн человеку, а не его слову, что выражается в заключительных строках повести: «Кавалер Рыжов жил почти девяносто лет, аккуратно и своеобразно отмечая все в своем “Однодуме”, который, вероятно, издержан при какой-нибудь уездной реставрации на оклейку стен» [5, с. 226].

Интонационно-речевая организация повестей Лескова и Нагибина, талантливых стилистов, выступает также в качестве цементирующего элемента жанровой формы. Благодаря их речевой манере Александр Афанасьевич и Аввакум явно выделяются на фоне других героев, почти каждая их реплика являет собой не просто реакцию на реплику собеседника, но некое мудрое изречение (Александр Афанасьевич: «Если

иметь великое обуздание, то и с малыми средствами обойтись можно» [5, с. 239]; Аввакум: «...мужу смерть — покой есть!» [4, с. 23], «Кто в палачах и в тюремщиках побывал, тому в чистом поле не гулять» [4, с. 25]), содержащее моральное или религиозное поучение. В связи с этим можно говорить об элементах жанра притчи, встречающихся как у Лескова, так и у Нагибина.

Речевая манера лесковского рассказчика и нагибинского повествователя тоже сообщает немало важного о жанровой природе произведений. При всей установке Лескова на достоверность в речах рассказчика присутствуют субъективные оценочные высказывания, часто носящие юмористический характер («За столом он сидел, а она подавала, но ложе у них было общее, и, вероятно, это было причиной, что у них появился плод супружества» [5, с. 225], «Рыжов оглянулся через плечо и увидел, что все невысохшие полосы национальных цветов шлагбаума действительно с удивительно отчетливостью отпечатались на его ретузах» [5, с. 235]). Подобное явление наблюдается и в тексте Нагибина («Когда же в отверстие окошко смрад из кельи наружу рванул, то шибануло спертой струей пролетавшего мимо воробышка, и он мертвым на землю пал» [4, с. 15], «Ну, старец Епифаний, терпеливый сосмрачник мой» [4, с. 20]). Комических элементов больше в произведении Лескова. Нагибинская же речевая манера имеет, главным образом, другой отличительный признак: сочетание устаревших слов и выражений с явно современными автору, встроенными порой в крайне физиологичные описания («Лицо десятника налилось темной кровью, а шрам и дикое мясо остались в своем цвете, ибо лишены были кровавого орошения, — мертвая бледная борозда усугубляла жестокость звероватых черт, но воин смолчал на дерзость узника» [4, с. 7], «...отведший душу неустанной проповедью, согретый жадным вниманием, <...> растекся Аввакум, как дерьмо в оттепель» [4, с. 12]). Это также помогает создать своеобразный комический эффект. Таким образом, в произведениях «Однодум» и «Огненный протопоп» присутствуют наряду с житийными и притчевыми элементами признаки юмористического рассказа.

Обилие сходных черт на разных уровнях жанровой формы и жанрового содержания повестей Лескова и Нагибина подтверждает идею о жанровом синкретизме двух произведений. Наряду с наиболее общей жанровой характеристикой — повесть, обусловленной сюжетным построением цепочкой эпизодов, в которых последовательно раскрывается характер главного героя, в «Однодуме» и «Огненном протопопе» проявляются черты других жанров — жития, притчи, художественной биографии, юмористического рассказа.

Но, будучи продолжателем лесковской традиции, Нагибин не является обычным подражателем. Его повесть — это прежде всего явление литературы другого времени. Не случайно в ней нельзя не увидеть тенденцию к лиризации и психологизации, наблюдавшуюся в русской литературе в 1970-е годы [6]. Она проявилась в нагибинском тексте в виде большого количества авторских описаний состояния и образа мысли Аввакума: «Эта ядреная, морозная, пронзительная струя ворвалась в черный спекшийся рот протопоба и омыла все его застоявшееся нутро. И когда прошло головокружение, угомонились круги и стрелы в очах, стал протопоб чистым, свежим, прохладным — не с лица, конечно, с исподу, — как часть пробуждающегося, мглистого, еще во власти ночи и зимы, но уже ощутившего вей апрельских ветров северного мира» [4, с. 20].

Нагибин видит повесть Лескова глазами человека другого века. Восприняв саму личность Лескова и его идеи, заложенные не только в «Однодуме», но и других произведениях, пропустив их через призму культурной памяти, Нагибин создает собственное произведение. В «Огненном протопобе» читается уникальный авторский замысел, во многом отличный от замысла Лескова.

Концептуальная разница между повестями Лескова и Нагибина видится в принципиально разных акцентах писателей. Лесковское произведение во многом подчинено замыслу создания «галереи праведников», писатель делает акцент именно на безгрешности главного героя, показывая, что в мирской жизни тоже есть место праведникам и что быть праведником в мирской жизни, возможно, даже сложнее, чем быть монахом или отшельником. Нагибин же акцентирует внимание читателя на словесном даре Аввакума. Выходя за рамки описания судьбы главного героя, автор обращается к проблеме судьбы человека, наделенного даром слова, во все времена: «Слабым уст шевелением богочеловек, свет наш, уловлял людские души и вел ко спасению» [4, с. 14]. Это позволяет Нагибину не только говорить об эпохе XVII века, но и соединить на ассоциативном уровне все века предшествующие с веком ему современным, в котором судьба настоящего писателя была также крайне непростой. Принципиально значимо то, что нагибинское повествование начинается и заканчивается сценой казни Аввакума. Тем самым автор указывает на идею цикличности, которая вместе с лейтмотивом слова помогает Нагибину подвести к мысли о трагизме участи любого инакомыслящего художника слова во все времена. Получается, что все произведение Нагибина – это своеобразный гимн творчеству.

Жанровые особенности произведений Лескова спустя сто лет оказались воплощенными в типологической разновидности повести у Нагибина, который воспринял идеи Лескова в новом культурном контексте и обогатил свой текст новым идейным содержанием.

Библиографический список

1. Лейдерман Н.Л. Теория жанра. Екатеринбург, 2010. 904 с.
2. Нагибин Ю. Улыбка Джоконды: сб. М., 2004. 701 с.
3. Лужановский А.В. Документальность повествования жанровый признак рассказов Н.С. Лескова // Русская литература. 1980. № 4. С. 144–150.
4. Нагибин Ю. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1989. Т. 7. 376 с.
5. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М., 1957. Т. 6. 687 с.
6. Островская В.Е. Русский советский лирико-психологический рассказ 70-х годов: проблематика и поэтика (Ю. Нагибин, В. Конецкий, Г. Семенов): дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1983. 188 с.

References

1. Leiderman N.L. *Teoriia zhanra* [Theory of genre]. Ekaterinburg, 2010, 904 p. [in Russian].
2. Nagibin Yu. *Ulybka Dzhokondy: Sb.* [The smile of Gioconda: collection]. M., 2004, 701 p. [in Russian]
3. Luzhanovskij A.V. *Dokumental'nost' povestvovaniia – zhanroviy priznak rasskazov N.S. Leskova* [Documentary narrative genre feature of Leskov's stories]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 1980, no. 4, pp. 144–150 [in Russian].
4. Nagibin Ju. *Sobranie sochinenii v 11 t.* [Collected works in 11 Vols.] M., 1989, Vol. 7, 376 p. [in Russian].
5. Leskov N.S. *Sobranie sochinenii v 11 t.* [Collected works in 11 Vols.]. M., 1957, Vol. 6, 687 p. [in Russian].
6. Ostrovskaya V.E. *Russkii sovetskii liriko-psikhologicheskii rasskaz 70-kh godov: problematika i poetika (Yu. Nagibin, V. Konetskii, G. Semenov): dis. ... kand. filol. nauk* [Russian soviet lyrical and psychological story of 1970-ies: problems and poetics (Yu. Nagibin, V. Konetsky, G. Semenov): Candidate's of Philological Sciences thesis]. Tashkent, 1983, 188 p. [in Russian].

*V.N. Pakhtusova**

TRADITION OF N.S. LESKOV IN THE CREATIVE WORK OF YU.I. NAGIBIN

The article explores the relationship between Leskov's and Nagibin's works. The main goal is to establish the degree to which Nagibin has borrowed from Leskov, to investigate the parallels between Leskov and Nagibin. It is proved that Nagibin's works are greatly influenced by Leskov's artistic achievements. The works of two authors are analyzed in terms of genre, which helps to reveal both differences and similarities between the works of the two authors. It is demonstrated that in one work of Nagibin there are observed different genre traditions connected with several works of Leskov.

Key words: Leskov, Nagibin, genre traditions, typological connections, genre of novella.

Статья поступила в редакцию 15/VII/2016.
The article received 15/VII/2016.

* *Pakhtusova Varvara Nikolaevna* (liceistka@gmail.com), Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.